

Василий Брусянин

Кладбищенские люди

Василий Васильевич Брусянин

Кладбищенские люди

Серия «Опустошённые души»

Аннотация

«Мы с сестрой Лидой живём на кладбище.

На нижнем этаже размещены квартиры кладбищенского причта. Здесь живут дьякон о. Иван, его жена Анна Ильинична и сын Лёша, мой ровесник; дьячок Корнелий Силантьич, седой щупленький старичок, вдовый. Рядом с квартирой дьячка в крошечной комнатке живут Гаврила и Епифан, сторожа. Оба они бессемейные, угрюмые, и весёлыми делаются только когда выпьют.

И дьячок Корнелий Силантьич, и дьякон о. Иван любят выпить и, когда выпьют, тоже становятся весёлыми и разговорчивыми. Так уже у нас на кладбище сложилась жизнь. Живут угрюмые люди и выпивают, чтобы хоть изредка повеселеть...»

Содержание

I	4
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Василий Брусянин

Кладбищенские люди

I

Мы с сестрой Лидой живём на кладбище.

На нижнем этаже размещены квартиры кладбищенского причта. Здесь живут дьякон о. Иван, его жена Анна Ильинична и сын Лёша, мой ровесник; дьячок Корнелий Силантьич, седой щупленький старичок, вдовый. Рядом с квартирой дьячка в крошечной комнатке живут Гаврила и Епифан, сторожа. Оба они бессемейные, угрюмые, и весёлыми делаются только когда выпьют.

И дьячок Корнелий Силантьич, и дьякон о. Иван любят выпить и, когда выпьют, тоже становятся весёлыми и разговорчивыми. Так уже у нас на кладбище сложилась жизнь. Живут угрюмые люди и выпивают, чтобы хоть изредка повеселеть.

Дьячку Корнелию Силантьичу 60 лет, а он всё мечтает о том, когда ему позволят занять диаконскую вакансию. Никогда, конечно, этого не случится, и Корнелий Силантьич не будет диаконом, но мой отец и благочинный не разочаровывают его. Напротив, все уверяют дьячка, что первая же диаконская вакансия за ним. Так и обманывают его несколько

ко лет и тем поддерживают его жизнь. Когда года три назад кто-то из консисторских сказал дьячку правду, он заперся к себе в комнату и порешил удавиться. Его едва отходили, и с тех пор все сговорились врать ради спасения жизни Корнелия Силантыча.

Вот уже несколько лет мечтает об иерействе и диакон о. Иван. Но человек он сильный, и ему не нужно спасительной лжи.

– Мечтаю я о священстве и знаю... умру дьяконом, – говорит он. – Ну, и Господь с ними!.. Пусть умру дьяконом...

И слёзы выступают у него на глазах, а он всё крепится и уверяет нас, что ему всё равно.

Лёша, сын о. Ивана, учится в духовном училище, учится прекрасно, и отец говорит:

– Верно, для Лёши я уступлю священническое место. Кончит он семинарию и будет священником... Вот наш духовный род и не прекратится...

О. Иван всегда так трогательно говорит о прекращении рода, и я понимаю его радость, когда он мечтает о судьбе Лёши. Он часто упрекает меня, зачем я пошёл по «светскому» пути и поступил в гимназию.

– Меня папа отдал, а я не при чём, – поясняю я.

Когда такие разговоры заходили при отце, последний резко и коротко заявлял:

– Не ваше дело, отцы мои, почему я Митеньку в гимназию отдал, а не в семинарию.

И резко обрывал разговор на неуютную ему тему.

Мой отец тоже мечтал о духовной академии. Его влекло высшее образование, но пришлось отказаться от этих мечтаний и примириться с ролью кладбищенского батюшки. Когда я задумываюсь о судьбе людей, живущих в мрачном кладбищенском доме, мне представляется мрачная картина человеческой жизни. Дьячок, дьякон, священник – все мечтали о высшем служении, а примирились на мрачном кладбищенском доме.

А Гаврила?.. У него тоже была своя мечта. Отец его имел большие огороды, – и он мечтал сделаться купцом. А Епифан?.. Он родился в безземельной семье крестьян деревни Письмянки и всю жизнь мечтал о собственной «земельке».

Мирно живут в мрачном кладбищенском доме здоровые, крупные, рослые мужчины и в одиночестве лелеют свои мечты... Отец мой уже не мечтает об академии, Епифан тоже говорит:

– Теперь мне земли-то надо три аршина...

Гаврила, впрочем, давно перестал мечтать об огороде и свёл свою жизнь к тому, что каждый день роет могилы. Если бы отец его не разорился, был бы он хозяином огородов, и я представляю Гаврилу взрывающим огородные гряды. Взрывал бы он гряды, сеял бы картофель, морковь, репу, а по осени собирал бы плоды своих рук. Теперь он взрывает землю большим чёрным заступом и роет могилы. Недаром как-то недавно дьякон зло над ним посмеялся:

– Вот, ведь, Гаврила, судьба-то какая!.. Ты всё мечтал об огороде, а вон что теперь делаешь, – на Ивановском кладбище кресты сеешь...

Насупив рыжие брови, Гаврила сердито смотрит на дьякона, а тот продолжает:

– Сеять кресты-то сеешь, а плодов-то тебе никогда не дожидаться... Да, мил человек, никогда!..

– А ты, отец Иван, мотри-ка, сегодня выпил... Статочное ли это дело – говорить так о крестах?.. С огородами сравни!..

Присутствовавший при этом разговоре дьячок Корнелий Силантыч зевнул, перекрестил рот и сказал:

– Всё сердятся люди... ссорятся... А для чего?.. Кого вон сюда сносят да в могилки зарывают, а кому Господь иную долю предназначает: и жив человек, и всё равно что мёртв...

Я часто вдумывался в глубину этих слов, – и на душе становилось темно и холодно. Все мы, собравшиеся под кров мрачного кладбищенского дома, – ни живые, ни мёртвые...

Жена дьякона, Анна Ильинична, тоже как-то раз говорила, что и её судьба сложилась не так, как хотелось. Как-то раз в ссоре с мужем она выкрикнула:

– Знала бы, что ты такой деспот, ни за что не пошла бы за тебя замуж!.. До сорока пяти лет прожил, а всё в дьяконах... Иван Игнатьевич Целердовский вон камилавку уже получил... А он сватался за меня... Дура была... отказалась... была бы, может, скоро и протопопицей.

О. Иван молчал, а по всему широкому лицу его расплывалась улыбка. Скосив глаза, он смотрел на воспалённое гневом лицо жены и говорил:

– Глупая... глу-у-пая баба!.. А ты мечтай!.. Живи да мечтай!.. «Мол, – вот, наступит же время, когда и я выйду замуж за Ивана Игнатьича Целердовского и буду протопопицей»... Вон дьячок наш всю жизнь мечтает, когда его в дьякона посвятят, я тоже мечтаю об иерействе... Да и все мы тут живём да мечтаем о чём-нибудь... Лёшка вон мой всё мечтает юнкером сделаться... Митенька вон тоже, поди, в доктора метит либо в адвокаты... Так уж человек устроен: живи себе да мечтай. Живи себе да и думай о том, чего у тебя нет... И в этом, матушка моя, смысл жизни... Вон консисторские сказали нашему дьячку, чтобы он не мечтал о дьяконстве, а он взял да и пошёл давиться... Живите, люди милые, всякими мечтаниями, – разлюбезное дело! Ха-ха-ха!..

И зачем я родился на кладбище? Ужели только затем, чтобы и быть погребённым на нём же?

II

Дьякон о. Иван всегда представляется мне какой-то чёрной птицей. Ходит он, грузный и большой, по кладбищенским дорожкам. Идёт спешно, точно летит, размахивает руками как крыльями, и полы его полукафтаны или рясы развеваются ветром, – и ещё больше он делается похожим на птицу, чёрный, со своими взлохмаченными волосами и с тёмной бородой лопатой.

И всегда он много говорит и зло шутит: точно едкая жидкость какая-то его слова, и смех похож на противный лязг ржавого железа.

Всем явлениям жизни, событиям из жизни близких или дальних он даёт какое-то своё объяснение.

Как-то раз вечером в царский день сидим мы все на лавочке у кладбищенских ворот и смотрим на домики слободки, в окнах которых мелькают кое-где зажжённые попарно свечи. Прямо видна Бекетовская улица. И на ней кое-где огоньки, а у дома купца Лыжина ярко пылают громадные разноцветные звёзды с вензелем.

– Иллюминация! – вдруг выкрикнул о. диакон. – Иллюминация!.. На-ция... Ация... Ха-ха-ха! Зажётся город и горит... Ликуют людишки, а того не поймут, что огни-то эти самые надо в душе зажигать! Уж если хочешь быть патриотом, так души своей не жалей, – жги её, стерву, до конца!

– Иван, что ты!? Бог с тобой! – взмолилась его супруга Анна Ильинична. – О душе так говоришь.

Мы все притихли.

– А что? О какой я душе-то говорю? Разве о праведной? Ого! Отец Иван не дурак и по праведной душе панихидку споёт... Я имею в виду души вон этих проклятых людишек, что живут в нашем городе... К нам, ведь, их всех перенесут, людишек-то из города, а мы с Гаврилой закопаем их в землю, да и панихидку с отцом иереем споём... Не так ли, Гаврила?

– Закапывать людей в землю – это одно дело, о. дьякон, а бросать грязные комья этой земли в людей – это совсем наоборот...

– Что наоборот-то? Дурья ты голова! Наоборот... борот... орот... рот... от... т... И это еры проклятое на конце... И какое ты мне слово ни скажи, – сейчас я его по косточкам разложу, и ничего от него не останется, потому – силу имею дерзать! А ты что? Гаврила... аврила... рила... и т. д. И... вот от тебя ничего и не осталось... Понял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.